

СВОЮ творческую биографию Василиади сразу начал с Дальнего Востока. Сахалин, Владивосток: главные роли в спектаклях «Старший сын», «Разгром», «Дуэль», «Не беспокойся, мама... И вот уже третий сезон актер работает в Хабаровском краевом театре драмы. Он — выпускник Ленинградского института театра, музыки и кинематографии.

В ПЕРВЫЕ наш зритель увидел Василиади в спектакле режиссера Алексея Найденова по пьесе американского писателя Юджина О'Нила «Любовь под вязами». Молодому актеру сразу пришлось столкнуться с большими трудностями — это был ввод в роль Эбина. Одно дело, когда над спектаклем работаешь с самого начала, постепенно постигаешь замысел режиссера, изучаешь партнеров, а тут — вещь уже готовая, и в нее надо входить.

Василиади встретился со сложным, но богатным драматическим материалом, ярким психологическим характером.

«Любовь под вязами» — пьеса огромной социальной остроты, раскрывающая трагедию собственности. Эбин, как и все фермеры Кэботы, его отец, братья, — это дети земли, вросшие в нее своими корнями, они переполнены ее соками, они чувствуют ее красоту и силу. Эбин появляется на сцене со словами восхищения природе: «Господи, как красиво!», он задумчиво бьет в колокол, наслаждаясь его тревожащими душу звуками. Прирожденный землелюб, Эбин живет одной жизнью со своей фермой, полями, пастбищами. Нет, Эбин не покинет ферму, как братья, — он хитер, расчетлив, ждет, не дожидается смерти отца, которого ненавидит. В нем кипят страсти, и самая главная — страсть к наживе, к обогащению. Каждый нерв Эбина — Василиади — это натянутая струна, которая болезненно отзывалась на любое прикосновение словом ли, взглядом, поступком.

И вдруг эта женщина, Абби, — чужая, неизвестно откуда взявшаяся — с такой же силой и хваткой цепляется за эту ферму. Новая жена Кэбота-старшего также не желает упустить своего, и борьба обещает быть беспощадной. Эбин понимает, что еще не так силен, чтобы одолеть отца. «Но я буду сильным, сила растет во мне», — угрожающе говорит он. Нет, Эбин не придурок, как считает отец, скорее мы согласимся с братьями, которые пророчат, что сын перегрызет родительское горло.

И вот в таком Эбине таится чистое, детски-незамутненное чувство к матери, любовь к ней — она живет в его сердце, в его воспоминаниях. Мать для него — единственная святая. Василиади подчеркивает, что борьба за ферму — для Эбина не только борьба за себя, но и месть за мать, которая на этой ферме жизнь положила. Эбин хочет, чтобы, наконец, восторжествовала справедливость и усадьба досталась ему, сыну своей матери...
Все попытки Абби

пойти на сближение наталкиваются на непроницаемую стену: кажется, Эбина ничто не может вывести из себя. Актер приглушает внешнее проявление эмоций своего героя, но лава кипит внутри Эбина. Разве можно уловить в его поведении хоть какой-то намек на чувство к Абби? На поверхности — грубость, ехидство, насмешка, внутри — любовь. Но Эбин глубоко ее причес, боясь остаться в дураках.

Истинное чувство героя раскроется только в финале, когда Абби повторит путь античных героинь Медеи и Федры, уступит и вших

ваться в собственных глазах. Во время визита сослуживцев (уже в Лидму квартиру) он демонстративно надеет передник, возьмет тряпку и начнет мыть пол. Но свой протест он не доведет до конца. Филимонов вновь вернется к жене, вернется опять-таки из страха перед общественным мнением.

Но теперь он уже посмотрит на свою жизнь по-другому. И увидит всю ложь, которую его окружает, поймет, что карьера его — фикция, что он предал любимое дело и занимается чепухой. «Караул! Что я делаю, на что трычу жизнь?»

Последняя работа

беспокойство ва неудавшиеся человеческие судьбы. Оно движет ролью, дает ей полнокровие, чего, к сожалению, не скажешь об образах положительных героев, созданных актером на сцене. В их трактовке Василиади не достиг особого успеха: сказалась и слабость драматургического материала, и режиссерское решение. Впрочем, глубокой актерской заинтересованности этими работами тоже не было.

Первым таким камнем преткновения стал Пахомов в спектакле по пьесе Игнатия Дворецкого «Веранда в лесу». По признанию ак-

Творческий портрет

ПОРА НАДЕЖД



И СВЕРШЕНИЙ

своей страсти к пасынку и убиивших ребенка, рожденного от него. Признанием своей вины и готовностью разделить с Абби ее участь Эбин одерживает победу над самим собой, вера в любовь торжествует над ненавистью и отчаянием.

КАЗАЛОСЬ БЫ, что общего между Эбином Кэботом и нашим современником Николаем Семеновичем Филимоновым — героем пьесы Рязанова и Брагинского «Аморальная история»? И все-таки Василиади, несмотря на временную и пространственную отдаленность этих персонажей, попытался отыскать точки соприкосновения, ибо борьба человека с самим собой — свойство человеческого рода вообще, во все эпохи, на всех континентах.

Филимонов — в прошлом архитектор, закончивший данную деятельность на том, что получил квартиру в выстроенном по собственному проекту доме. Теперь же он — работник комитета по жилищной самодеятельности, что сулит хорошее продвижение по служебной лестнице. Филимонов спокоен, вальяжен — боится ни за что не надо, все само плывет в руки. Скучно. Почему бы не поволочиться за хорошенькой медсестрой, пришедшей «во время его болезни по вызову»?

Казалось бы, Василиади ведет свою роль в комическом ключе, но его герой вызывает мало смеха. Скорее, раздражение от его нерешительности, метаний, а то и глубокого возмущения. Ведь даже будучи изгнанным из дома и, как побитая собака, пришедший к Лиде, Филимонов сокрушается, что эта история может отразиться на его карьере. «Какое я стал баракло... да и бы!» — вынесет он сам себе приговор. И попытается как-то переломать себя, подняться над мещанством и фальшью, под-

Моисей Василиади — роль Сергея Ильина в спектакле по пьесе Анатолия Сергеева «Пора тополиного луха». В этом персонаже без труда угадываются многие черты Филимонова — та же неспособность к решительным поступкам, подчинение обстоятельствам. Но если Филимонов нашел в себе силы подняться над ними, то Сергей даже и не пытается это сделать. Он молже Николая Семеновича лет на десять, но уж карьерой ради любви не поступится.

Сыграл М. Василиади еще в одном спектакле, в котором поднята тема современной молодежи. Это «Любовь, джаз и черт» по пьесе литовского драматурга И. Грушаса.

Андрюс, которого играет Василиади, — характер неблагоприятный и жесткий. Актер выносит на сцену процесс деградации личности, состояние морального разложения. Не боясь спустить краски, он подчеркивает поведение Андрюса, который то корчится под дикие звуки джаза, то смотрит совершенно обалдевшим взглядом, все более мутнеющим от постоянного прикладывания к бутылке, то издает звериные вопли. Для Андрюса высшее удовольствие — сделать кому-нибудь больно: жестоко разыграть, избить, оскорбить — при одной мысли об этом у него плотоядно загораются глаза.

— Я больше всего устаю от этого спектакля, от этой роли, — говорит Василиади. — И тем не менее это одна из моих самых любимых работ. И еще люблю «Аморальную историю». Они совершенно разные, и это меня в них привлекает. Оба спектакля сделаны режиссером нашего театра В. В. Кокориным, с которым мы, я бы сказал, находимся на какой-то одной человеческой волне.

ВЕРОЯТНО, на гребне этой волны —

тера, он так до конца и не понял этого героя. Пахомов — бывший деревенский жигель, окончивший университет, ставший ученым. В своем бескорыстном служении делу, борьбе за сохранение природы он доходит до одержимости, до фантазии. Но в игре Василиади нет той открытости нерва, которая свойственна его лучшим работам: Пахомов в его исполнении, если и не спокоен, то уж никак не ярошен. А ведь он борется за заповедник — золотой фонд земли, который надо во что бы то ни стало сохранить.

Целестремленность, преданность идеалам предполагается и в другом герое Василиади — Крохалева из спектакля по пьесе В. Русскова «Каленов яр». С подобным характером молодому актеру статься пришлось бы приходилось, и, возможно, он работал бы над ним с интересом, но не хватало драматургического материала. Крохалев в его исполнении получился репортажным, обрывочным.

Две попытки создать образ положительного героя — и обе не слишком удачные. В чем дело? Мне кажется, что в Василиади в какой-то степени видят исполнителя на определенных ролях, в которых он уже зарекомендовал себя, и, предлагая нечто подобное, постановщик может быть уверен, что и на этот раз актер с работой справится.

То, что сделано до сих пор, сделано молодым актером. Но что ждет его за порогом тридцатилетия, какие нравственные, гражданские проблемы предстоит ему решать на своем творческом пути? Все это вопросы, на которые способно ответить только время. Время, к которому актер, надо полагать, по-прежнему будет прислушиваться, искать в нем своих героев.

Т. АНТИПЕНКО.